

УДК 94:349.264(575.2)

**К ПРОБЛЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИРГИЗСКОЙ ССР
(НА ПРИМЕРЕ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ КАВКАЗА)**

Е.В. Носова

Анализируются государственно-религиозные отношения в Киргизской ССР на примере депортированных народов Кавказа.

Ключевые слова: государство; религия; депортации; спецпоселения; Северный Кавказ; духовные авторитеты; мюридизм; шариат.

**REVISITING THE PROBLEM OF STATE-RELIGIOUS RELATIONS IN THE KIRGHIZ SSR
(ILLUSTRATED ON DEPORTED PEOPLES OF THE CAUCASUS)**

E. V. Nosova

The state-religious relations in the Kirghiz SSR are analysed by example of deported peoples of the Caucasus.

Key words: government; religion; deportation; special settlements; Northern Caucasus; spiritual authorities; Mouridism; Sharia.

Историческая проблема депортированных народов и их взаимоотношений с государственной властью одна из важнейших для понимания истории. К депортациям советское правительство приступило сразу же после установления советской власти, но особого размаха это движение достигло в годы Великой Отечественной войны.

В СССР тотальной депортации были подвергнуты десять народов: корейцы, немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и турки-месхетинцы, часть из которых лишились и своих национальных автономий.

Проводимые депортации объяснялись различными причинами: «неблагонадежностью», превентивностью мер, конфессиональным фактором, выступлением против преобразовательных мер советской власти, участием в бандформированиях, принадлежностью к институтам отжившего строя и т. д. Общее число всех депортированных составило свыше 6 миллионов человек. Количество же людских потерь тотально депортированных народов находится в интервале от 700 тыс. до 1 млн человек [1].

По официальным данным отдела НКВД СССР на Северном Кавказе в годы войны действовали 963 повстанческие группы. В докладной записке Л.П. Берии заместитель наркома Б.З. Кобулов от-

мечал, что в республике было 38 религиозных братств мюридов, насчитывающих свыше 20 тыс. человек [2, с. 92].

По этим же данным, террористические группировки на территории республики занимались разбоями, грабежами и убийствами, что стало одной из причин приказа Берии об их ликвидации, а также в связи с тем, что местное руководство НКВД [3] не смогло стабилизировать ситуацию на Кавказе [4].

В конце 1941 г. нацисты приступили к формированию четырех национальных легионов – Туркестанского, Грузинского, Армянского и Кавказско-магометанского. 15 апреля 1942 г. Гитлер лично приказал использовать кавказцев в борьбе против партизан и на фронте. Высокий статус уроженцев Кавказа в качестве «равноправных союзников» Германии был закреплен в августе 1942 г. специальным «Положением о местных вспомогательных формированиях на Востоке». Для расширения и укрепления своего влияния на Кавказе немецкое командование прибегало к подкупу, интригам, заигрываниям с мусульманским духовенством с целью вовлечения их в борьбу с советской властью. Эта установка гитлеровского командования исходила из разработанного военной разведкой адмирала Ф.В. Канариса в январе 1942 г. плана «Шамиль», согласно которому Закавказье и другие нефтеносные

районы предусматривалось захватить посредством высадки десантов, которые должны были опираться на антисоветские элементы на местах. “На Кавказе, как нигде в другом месте России, – говорилось в одном из германских документов, – адат и ... законы шариата еще крепко держат в руках большую часть горского населения. Горцы по натуре очень доверчивые. С ними работать легче, чем с другими национальностями... Нам надо хорошо вооружить местных бандитов, передать им важные объекты до прихода германских войск, которые они сохранят для нас. Когда Грозный... и другие районы будут в наших руках, мы сможем захватить Баку и установить на Кавказе оккупационный режим, ввести в горы необходимые гарнизоны, и когда в горах наступит спокойствие, всех горцев уничтожить” [5].

В начале 1943 г., когда Северный Кавказ был почти полностью очищен от немецких оккупантов, советским руководством началась разработка планов по депортации народов.

31 января вышло Постановление ГКО, где была выделена персональная ответственность каждому руководителю за планирование и организацию переселения. 21 февраля издан приказ по НКВД о депортации чеченцев и ингушей. 22 февраля Л. Берия встретился с высшим руководством республики и высшими духовными лидерами и поставил их в известность о решении правительства и мотивах, которые легли в основу этого решения. Высшим духовным лицам Л. Берия предложил “провести необходимую работу среди населения через связанных с ними мулл и других местных “авторитетов”, поскольку их влияние оставалось огромным [6].

Созданный в то время миф о поголовном сотрудничестве народов Северного Кавказа с нацистами не отражает реальной картины. Тысячи воинов, представлявших республику, за образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленную при этом стойкость и храбрость награждены боевыми орденами и медалями Советского Союза, многим присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Сыны и дочери Кавказа прославились в боях на всех фронтах... на земле, в небесах и на море. В занятых немцами районах действовали подпольные партийные организации, партизанские отряды, диверсионные группы. Трудящиеся Чечено-Ингушской АССР не только самоотверженно работали на производстве и бесперебойно снабжали советских воинов всем необходимым, но и систематически посылали подарки на фронт, шефствовали над госпиталями.

Депортация началась 23 февраля 1944 г. Подавляющее большинство депортированных было направлено в Казахстан и Киргизию, и численность их постоянно возрастала. Переселенцев поставили в жесткие режимные условия. Многие семьи были разделены: родители от детей, дети от родителей. 1944 г. стал для чеченцев и ингушей, как и для других народов Северного Кавказа, подлинно национальной трагедией. Сведения Отдела спецпоселений НКВД Киргизской ССР подтверждают количество спецпереселенцев, расселенных в Киргизской ССР [7, с. 127–128] по состоянию на 1 января 1945 г.:

Всего по Киргизской ССР (чел.)	Чечено-ингуши (чел.)	Карачаевцы (чел.)	Балкарцы (чел.)
114999	77301	22116	15582 [8]

Районами сосредоточения чеченцев в Киргизии были Фрунзенская и Ошская области [9].

Архивные материалы этого периода, которые могли бы нам рассказать об этом времени, достаточно скупы и отрывочны. Это связано с тем, что в большинстве своем до сегодняшнего дня они до сих пор засекречены; а из тех, что доступны для исследования – отдельные документы 1944 г., а также материалы – начиная с 1951 года.

Отношение к духовным лидерам депортированных народов ничем не отличалось от отношения к духовным лидерам других конфессий СССР. Документы свидетельствуют о том, что еще при движении эшелонов происходило их выявление и нейтрализация [10]. По прибытии на место все депортированные были взяты на специальный учет, и за их жизнью и деятельностью (особенно за деятельностью духовных лидеров) наблюдали спецслужбы, отчеты которых становились основой для постановлений, справок и иных документов, в том числе рассказывающих о духовной жизни спецпоселенцев.

Среди них Постановление бюро ЦК КП(б) Киргизии “О работе среди спецпоселенцев” от 15 июня 1951 г., в котором говорится о том, что в результате *запущенности* массово-политической и культурно-просветительной работы среди спецпоселенцев многие из них подпадают под влияние родовых авторитетов, *мулл* и других реакционных элементов, “допускают грубые нарушения трудовой дисциплины, пьянство, воровство и хулиганство”. Фактически между муллами и реакционными авторитетами ставился знак равенства, и упреждалось на их антиобщественное влияние. Этот документ важен тем, что в нем за таким словосочетанием, как “запущенность массово-политической и культурно-просветительной работы” говорится

о том, что на новом месте жительства местные власти особенно не “давили” на депортированных в вопросах вероисповедания.

Далее говорится “... религиозный фанатизм и феодально-родовые пережитки проявляются в том, что многие родители-спецпоселенцы не пускают своих детей в школы, главным образом девочек”. Объяснение тому мы видим в Сборнике Законов РСФСР: “В составе семей переселенцев чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР в 1944 г. прибыло до 300 тыс. детей в возрасте до 16 лет. Спецпереселенцы размещены небольшими группами в колхозах и районах впере­мешку с местным – русским, казахским, узбекским и киргизским – населением. Проживают они в условиях особого режима (запрещение свободно перемещаться вне пределов пунктов проживания и др.). Организовать начальную школу для детей спецпереселенцев ... на их национальных языках нет возможности в силу отсутствия соответствующих проверенных педагогических кадров. В силу всех этих условий НКВД СССР считает целесообразным обучение детей спецпереселенцев производить на русском языке в существующих школах по месту их жительства...” [11, с. 58].

Понятны действия родителей: желание сохранить родной язык, трудность в обучении детей на русском или киргизском языках, а также уверенность в том, что они все равно вернутся на родину. Да и отношение к женщинам у народов Кавказа было более строгое. Деятельность партийных функционеров была понятна. Ведь воздействовать на семьи эффективнее всего можно было именно через светски образованных (и атеистически настроенных) женщин – жен, матерей, сестер. Отсюда и требование Бюро ЦК КП обязать обкомы, горкомы и райкомы партии направить внимание отделов по работе среди женщин на широкое вовлечение женщин из среды спецпоселенцев в общественную жизнь и трудовую деятельность, на усиление политико-воспитательной работы среди них. Для чего необходимо организовать чтение лекций и докладов на естественнонаучные и антирелигиозные темы, в том числе – о вреде феодальных пережитков, о роли советской женщины в общественной и политической жизни страны и др. [8]

Кроме работы с женщинами необходимо было разворачивать работу с молодежью. Предлагалось: усилить политико-воспитательную работу, привлекая к этому активных комсомольцев, организовывать систематическое чтение лекций и докладов на естественнонаучные темы, о вреде религии и феодальных предрассудков и пр. [8]

За время проживания в Киргизии спецпоселенцев: чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев были зафиксированы факты т.н. “антисоветских националистических” настроений. Так в “Справке о политических настроениях спецпоселенцев с Северного Кавказа, расселенных на территории Киргизской ССР” от 21 марта 1952 г. говорится о выявлении духовных авторитетов из религиозного мюридского ордена “Кунта-Хаджи” [12], созданного на Северном Кавказе еще до Октябрьской революции. Советскую власть они встретили враждебно и на протяжении последующих лет принимали участие в многочисленных антисоветских восстаниях и мятежах. Сотрудники спецслужб считали, что во время Великой Отечественной войны, будучи призванными в советскую армию, мюриды данного ордена в большинстве своем дезертировали, переходили на нелегальное положение и занимались бандитизмом.

“Проживая в Ворошиловском районе Фрунзенской области Киргизской ССР они воссоздали мюридскую группу данного ордена примерно до 200 человек, среди которых распространяли учение шариата и добивались строгого его выполнения. За незначительные отступления от шариата подвергали верующих строгому наказанию. Ими популяризировались такие феодальные обычаи народностей Северного Кавказа, как кровная месть, антисоветская клеветническая пораженческая пропаганда, провокационные слухи о неизбежности войны американо-английского блока с СССР и поражения в этой войне Советского Союза. За 1951 г. и январь–февраль 1952 г. органами МГБ Киргизской ССР было арестовано и привлечено в уголовной ответственности 52 человека из числа спецпоселенцев Северного Кавказа. В их числе 9 человек мусульманских духовных авторитетов из числа чеченцев, принадлежавших к вышеназванному ордену. Большинство арестованных сознались в своих преступлениях [13]”.

В Советском Союзе статьи 58–10 ч. 2 УК РСФСР и 58–11 предусматривали уголовную ответственность за пропаганду и агитацию, содержащую призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных выступлений, а также уголовную ответственность за организованную деятельность, направленную на подготовку или совершение контрреволюционных выступлений [14].

Борьба с исламом среди спецпоселенцев с Северного Кавказа продолжалась на протяжении десятилетий, но так и не привела к каким-либо положительным результатам. 22 июля 1955 г. было принято Постановление бюро ЦК КП Киргизии

“О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев”, в котором опять-таки указывалось на то, что “... Не проводится научно-атеистическая и просветительская пропаганда”. В результате чего часть населения подпадает под влияние “реакционных элементов из духовенства, пропагандирующих феодально-родовые пережитки... Особенности живучи ... и религиозные пережитки среди значительной части чеченцев, карачаевцев и балкарцев” [15]. Одни и те же проблемы поднимались на протяжении многих лет, хотя научно-атеистическая работа проводилась уже на родных языках. Так, в 1956 г. Республиканским лекционным бюро было прочитано 14 лекций, среди них – “О происхождении ислама и его идеологии” (на чеченском и карачаево-балкарском языках) [16].

Таким образом, даже по этим отрывочным документальным сведениям мы можем нарисовать хотя бы приблизительную картину государственно-конфессиональных отношений в отношении депортированных народов Кавказа. Государство подавляло и уничтожало любые оппозиционные, в том числе религиозные взгляды, которых придерживались различные этносы, проживавшие в Советской Киргизии.

Работа в части научно-атеистической пропаганды проводилась среди всего депортированного населения, включая детей, молодежь, женщин. Однако она ни к чему не привела. Приверженность кавказских народов вере предков (исламу) проявлялась буквально во всем. И какие бы меры, в том числе репрессивного характера, не предпринимались, покончить с ними не удалось.

В 1957–1958 гг. были восстановлены национальные автономии чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев; этим народам было разрешено

вернуться на свои исторические территории. Большинство же представителей кавказских народов вернулось на родину только к весне 1959 года.

Литература

1. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 5.
2. 50-летие Великой победы над фашизмом: История и современность. Смоленск, 1995.
3. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2181. Л. 4.
4. ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 41. Л. 244; Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народа // Вопросы истории. 1990. № 7.
5. У истоков – правда одна // Грозненский рабочий. 1989. 2 февраля.
6. По решению Правительства Союза ССР...: Сб. документов и материалов. Нальчик, 2003.
7. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья... (20–50-е годы) / Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик, 1997.
8. ЦГА КР. Ф. 1642. Оп. 11. Д. 2129. Л. 9–10.
9. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: “Согласно Вашему указанию...” / Н.Ф. Бугай. М., 1995.
10. ЦГА ПД КР. Ф. 406. Оп. 2. Д. 157. Л. 12–12об.
11. Сборник Законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР. 1938–1946 гг. Издво “Известия Советов депутатов трудящихся СССР”, 1946.
12. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 825. Л. 143–146.
13. Верховный Суд Киргизской ССР. Надзорное производство № 2т. Постановления Пленума, Президиума, 1989, Д. 11а–70, Л. 75–76.
14. Дело №, т. 2. Постановления Президиума Пленума Верховного Суда, 1990, Д. 11а–31, Л. 273–274.
15. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 284. Д. 6. Л. 11–17.
16. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1025. Л. 29–33; ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 10. Д. 407. Л. 112–119.